

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-3-777-788

EDN: VOVSFD

Р. Мертон: теория серендипити — неслучайная случайность в научных инновациях и открытиях*

С.А. Кравченко

МГИМО-Университет МИД РФ,
просп. Вернадского, 76. Москва. 119454, Россия

(e-mail: sociol7@yandex.ru)

Аннотация. В статье рассмотрена теория серендипити Р. Мертона, нацеленная на изучение фактора «неслучайной случайности» в нелинейном процессе производства особого типа научных инноваций — возникающих как «побочный продукт» запланированных исследований, который проявляется в виде «самоисполняющегося пророчества» и непредвиденных последствий целенаправленных действий ученых. Показано, что атрибутом серендипити является обоснование данных, не соответствующих ожиданиям исследователей, — они представляются несовместимыми с доминирующей теорией и установленными фактами и имеют стратегическое значение для разработки новой теории или качественного развития существующей. Дискурс серендипити выступает драйвером конкуренции ученых за признание приоритета в обосновании конкретного инновационного знания — автор анализирует особые функции неологизмов, стимулирующих и закрепляющих научные инновации. Раскрыта суть взгляда Мертона на амбивалентные последствия «неслучайных случайностей» в науке — подчеркивается социальная ответственность ученых за формирование культуры доверия к научному знанию в контексте производства инноваций. Показана значимость мертоновских идей о том, как легитимировать приоритет ученого на инновацию и как практически организовывать управление случайными открытиями в науке на макро- и микроуровнях. Востребованность актуализации теории серендипити обусловлена тем, что в ней обосновывается стратегия формирования институциональных научных и образовательных структур, нацеленных на подготовку социологов-профессионалов как экспертов, призванных формировать у себя креативность, смелость мысли и инновационные компетенции, столь необходимые для обеспечения научно-технологического лидерства страны.

Ключевые слова: «неслучайная случайность»; «паттерн серендипити»; нелинейность; инновация; гуманизм; легитимность; приоритет; планирование открытий в науке; инновационные компетенции

Для цитирования: Кравченко С.А. Р. Мертон: теория серендипити — неслучайная случайность в научных инновациях и открытиях // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2026. Т. 26. № 3. С. 777–788. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-3-777-788> EDN: VOVSFD

*© Кравченко С.А., 2026

Статья поступила в редакцию 02.03.2026. Статья принята к публикации 13.07.2026.

Р. Мертон обосновал теорию серендипити как «неслучайной случайности» или «счастливой случайности» в научных инновациях. Суть серендипити заключается в обнаружении чего-то ценного в месте или способом, которого никто не ожидал. Такой тип инновации проявляется в *непредвиденных научных открытиях* — «побочном продукте» запланированных исследований, «открытии, которое не искали» [8. С. 234]. Изначально слово «серендипити» означало уникальный дар участника счастливого случайного открытия, но со временем стало использоваться более широко — для интерпретации всего события случайного открытия и его объекта.

По словам Мертона, он «случайно наткнулся на странно выглядящее, но благозвучное слово “серендипити”, когда потратил значительную часть своей стипендии аспиранта на двенадцать томов Оксфордского словаря английского языка. Это стало “огромной инвестицией”... Статья в Оксфордском словаре косвенно отражает медленное, но определенное переосмысление феномена случайности в науке как особого и сложного когнитивного процесса, развивающейся концепции, которая с опозданием находит свое место в социологии и философии науки... Слово “серендипити” сразу же вошло в мой рабочий лексикон... перекликалось с моей теоретической одержимостью социологического изучения важности непредвиденных последствий целенаправленных действий в социальной жизни и неожиданных этапов развития знаний. Эта навязчивая идея зародилась в моей докторской диссертации середины 1930-х годов о непреднамеренной и довольно парадоксальной роли пуританизма в продвижении инновационной науки в Англии XVII века», а затем была сформулирована в более общем виде в эссе “Непредвиденные последствия целенаправленных социальных действий» [8. С. 241, 260].

В обосновании этих новаторских идей Мертон социологически «переоткрыл» историю, написанную в 1754 году литератором Г. Уолполом — о трех принцах Серендипов, проявивших во время своего путешествия особую наблюдательность, в результате чего они нашли интересные данные, которых не искали. Придание инновационного смысла «серендипити» было сочетанием случайности и научной проницательности ученого — он «принадлежит тому типу читателей словарей, которые находят в словарном хранилище не просто определения, но и краткие обзоры культурной истории. Они не только “используют” словарь в смысле “поиска” слов, которые им попались, но и систематически или спорадически читают словари. Поиск конкретного слова становится лишь отправной точкой исследования “случайностей”... Что касается проницательности, то она тоже сыграла свою роль — на слово “серендипити” упал восприимчивый взгляд» [8. С. 140]. Так, неслучайная случайность, по сути, стала фактором создания теории сендипити, которую Мертон развивал с 1930-х по 2001 год, дополняя все новыми положениями. Ее практическим воплощением стала институционализация серендипити в мировой социологии.

Приведем примеры серендипити из отечественной социологии. В.А. Ядов, будучи руководителем первой вузовской лаборатории социологических исследований (при ЛГУ), изучал ценностные ориентации рабочих в проекте «Человек и его работа» [5]. Полученные результаты, по его словам, позволили «реинтерпретировать марксистское понятие “содержание труда”» и сделать вывод о том, что не реализовался прогноз Маркса о превращении рабочих из «класса в себе» в «класс для себя»: советский рабочий класс — «это “класс в себе”, он не стал коллективным субъектом социального действия» [13]. Это непредвиденное научное переоткрытие важнейшего положения марксизма стало «побочным продуктом» запланированных исследований. В.Н. Иванов, будучи директором Института социологии в советское время, ставил перед коллективом масштабные идейно-политические задачи «изучения изменений и тенденций развития социальной структуры советского общества... разработки путей совершенствования социалистического образа жизни, его интернационализации» [2. С. 18]. Вскоре он пришел к убеждению, что путь к решению самых серьезных задач служения Отечеству и социологической науке включает в себя не только валидные теории и строгие эмпирические исследования, но и поэтические метафоры. Результатом стала интеграция социологического знания и литературы, преодоление разрыва между строгой научной терминологией и поэтическими формулировками: «Я жил одною жизнью со страной, О чем рассказ мой вдохновенный, И строй научный, строй военный По сути для меня единый строй — Строй моего Отечеству служенья» [3. С. 307]. Так, Иванов благодаря неслучайной случайности создал уникальную социолого-поэтическую парадигму.

Квинтэссенция «паттерна серендипити»

В выступлении перед Американским социологическим обществом в марте 1946 года Мертон представил инновационную теорию «паттерна серендипити», включавшую в себя объяснения природы таких явлений, как *«самоисполняющееся пророчество»* и *«непредвиденные последствия целенаправленных социальных действий»* [11]. Он обосновал важную закономерность научного творчества — наблюдении за «неожиданными, аномальными и стратегическими данными, которые становятся теоретико-методологическим фундаментом для разработки любой новой теории или для расширения существующей» [10. С. 505]. У серендипити три атрибута: обоснование данных, не соответствующих ожиданиям исследователей; они представляются несовместимым с доминирующей теорией или другими установленными фактами; они имеют стратегическое значение для разработки новой теории. К углублению содержания серендипити Мертон вернулся в 1949 году в работе «Социальная теория и социальная структура», представив его в качестве важной закономерности научных исследований и сопут-

ствующего неологизма, имеющего самостоятельную ценность для развития научного знания [9. С. 255–257].

Паттерн серендипити основан на *синергии ряда неожиданностей*, последствия чего выражаются в том, что «неожиданное наблюдение приводит к непредвиденному виду новых знаний. Во-первых, полученные данные не предполагались. Исследование, направленное на проверку одной гипотезы, дает случайный побочный продукт; неожиданное наблюдение имеет отношение к теориям, которые не вызывали сомнений на момент начала исследования. Во-вторых, данное наблюдение стало аномальным, удивительным либо потому, что представляется несовместимым с преобладающей теорией или с другими установленными фактами. В любом случае кажущаяся несовместимость вызывает любопытство; оно побуждает исследователя “осмыслить данные”, вписать их в более широкую систему знаний. Наряду с этими двумя компонентами неожиданности в паттерне серендипити существует третий компонент — ученый, который находит полученные данные вызывающими... Короче говоря, неожиданные, аномальные и стратегические данные не просто “где-то там”, а отчасти (но только отчасти) представляют собой когнитивную “конструкцию” — теоретическую ориентацию и знания наблюдателя, как явную, так и латентную функции» [8. С. 236–237].

Слово «серендипити» вошло в социальные науки, и тема случайных случайных открытий становилась все более актуальной при изучении трендов производства научных инноваций, которые возникали непреднамеренно. Динамика интереса к серендипити приобрела нелинейный характер. По Мертону, первый бум серендипити пришелся на эпоху Возрождения XVIII века, второй — на XIX век, когда ученые, увлеченные открытием законов и обоснованием закономерностей, стали осознавать важную роль случайности в общественном развитии, исходя из неожиданных инноваций и открытий. Третий бум пришелся на середину XX века, и к 2001 году количество публикаций во Всемирной сети, содержащих слово «серендипити», в базе данных Google, насчитывающей два миллиарда документов, увеличилось на порядок, достигнув 636 тысяч [8. С. 287].

Серендипити приобретало множество значений в процессе распространения в разных социальных группах. Среди этих групп Мертон выделил две, которые особенно «озабочены поиском инноваций»: коллекционеры (библиофилы, антиквары, собиратели антиквариата) и ученые. В конце XIX — начале XX века некоторые библиофилы и антиквары одними из первых оценили уместность слова «серендипити» для описания своего опыта счастливых случайных открытий, будь то желаемые книги или необходимые обрывки информации [8. С. 41]. Эти социальные практики, их описание и анализ концептуально закреплялись в неологизмах, обозначающих научные инновации: «Природа науки такова, что постоян-

но возникают новые концепции, факты и инструменты, и существует перманентная сопутствующая потребность в новых терминах для их обозначения. С ускорением темпов научного развития в XIX веке потребность в новых терминах часто ощущалась и так же часто удовлетворялась путем создания неологизмов... В обоих социальных мирах, потенциально заинтересованных в случайных открытиях, — мире коллекционеров, с одной стороны, и мире ученых, с другой — “серендипити” с большой долей вероятности становилась результатом викторианского отвлечения к легкомыслию и причудливости» [8. С. 46–48]. Так паттерн серендипити в итоге сформировал собственный инновационный дискурс.

Особые функции неологизмов в дискурсе серендипити

Бумы серендипити для Мертона важны возможностью не только изучения инновационных трендов развития научной мысли, но и определением места и роли неологизмов в научных инновациях. Мертон проявлял неизменный интерес к аргументам за и против появления новых понятий, особенно в науке. «Слово “серендипити” было принято людьми из самых разных кругов: среди коллекционеров, писателей, литературоведов, медиков-гуманистов и их окружения, среди социологов, людей, занимающихся прикладными исследованиями, и, наконец, среди научных писателей. В каждой группе причины интереса были несколько иными... в некоторых социальных средах оно воспринималось скорее из-за своего эзотерического характера, причудливого происхождения или привлекательного звучания; в других случаях мыслилось как особая способность описывать определенные переживания членов среды... Среди тех, кто интересуется случайными открытиями, — писатели и лексикографы, люди, профессионально занимающиеся словами; для них знакомство с новыми, старыми или приятными словами является частью профессиональной деятельности» [8. С. 148, 149].

В 1930-е годы феномен случайных открытий совершил скачок из литературы в мир науки. Большинство ученых, как отмечает Мертон, стремятся информировать коллег о созданном ими знании, сообщая, что «они первыми достигли цели»; признание же коллегами оригинальности открытия («приоритета») обеспечивает функциональность социального механизма вознаграждения в науке [7. С. 635–659]. Суть мотивации ученых заключается в том, что «именно неявная и явная конкуренция за честь признания — драйвер научного сообщества, так же как конкуренция за прибыль — движущая сила рынка. Излишне говорить, что любое открытие чего-либо ценного — это приятный опыт, но удовольствие от него усиливается, если открытие неожиданное» [8. С. 82].

В 1940–1950-е годы многие ученые предлагали своим коллегам, по сути, первые наработки теоретико-методологического инструмен-

тария серендипити, включая суждения о его закономерности [8. С. 41]. Были выдвинуты положения, «что в частых и важных открытиях, которые были “результатом чистой случайности”, человека, совершившего открытие, можно заменить любым другим, не препятствуя при этом совершению открытия: при правильных обстоятельствах открытие было неизбежно» [8. С. 43].

По Мертону, неологизмы способствуют признанию приоритета, и ученые «постоянно придумывают такие слова». В социальных и гуманитарных науках новые слова и фразы выполняют особые функции: «Использование нового характеризующего слова или фразы, радикальное переопределение старого слова или возрождение вышедшего из употребления термина — неотъемлемая часть развития инновационных представлений и интерпретаций. Социальный ученый должен часто использовать новые термины, чтобы отличать систематические абстракции, которые он вводит, анализируя социальное поведение, от абстракций обывателя, основанных на здравом смысле» [8. С. 67]. Неологизмы, входя в социальный дискурс, закрепляют инновации в науке и в повседневной. «Реакции на слово “серендипити” могут легко возникнуть в результате любой встречи с этим незнакомым, этимологически загадочным и, представляется, выразительным словом. Такие реакции, как чувство принадлежности, делающее слово исключительно своим, непреодолимое желание узнать его происхождение и множество идей о его современном употреблении, вероятно, довольно часто встречаются у людей, в той или иной мере осознающих свой словарный запас... “Серендипити” — конечно, придуманное слово. Придуманное слова не обязательно должны быть загадочными для тех, кто обладает хотя бы минимальными этимологическими знаниями, но такие знания могут быть использованы только для слов, которые были созданы на основе надежных этимологических принципов» [8. С. 88].

Неологизмы, считает Мертон, формируют психологические, эмоционально-чувственные и даже своеобразные эстетические основания для закрепления научных инноваций. «Довольно сложно представить слово, лишенное значения и всех связанных с ним ассоциаций, — слово само по себе, своего рода сочетание звуков, оказывает чувственное воздействие на слушателя, читателя или говорящего. Такое влияние мы видим в слове “серендипити”: не как слова, чья уместность приятна, не как редкого и потому ценного, не как слова, приятного потому, что удовольствие от переживания счастливого случайного открытия передалось ему. Скорее мы отметим, какими отличительными качествами слово может обладать, что мы могли бы назвать “психоэстетическими” характеристиками, делающими его привлекательным независимо от денотативных или коннотативных качеств» [8. С. 95]. Так, неологизмы явно и латентно сопутствуют конкуренции за признание приоритета в научных открытиях.

Серендипити: амбивалентности добра и зла, свободы и контроля, объективности и субъективности

Серендипити органично связано с проблемами *неожиданного зла* или *неожиданной удачи*. «Интеллектуальные и моральные проблемы, возникающие в результате счастливых случайных открытий, во многом схожи с проблемами, связанными с объяснением и оправданием удачи и неудачи в целом... Неожиданная неудача может тяготить человека сильнее, чем удача, но неожиданная удача также может быть труднопереносимой... Проблема неожиданного добра и зла — часть более общей проблемы, фактор неожиданности имеет особое значение для людей, поскольку они ценят предсказуемый мир, населенный рациональными индивидами» [8. С. 150].

Моральную сторону социальной ответственности ученого за сохранение и воспроизводство гуманизма Мертон рассматривает в контексте проблемы непредвиденных последствий целенаправленных социальных действий за случайные открытия, которым сопутствуют добро и зло. Он задает ряд амбивалентных вопросов: как объяснить источники удачи и неудач, как ответить на вопрос о наградах, как так получается, что удача и неудача приходят в жизнь людей, и что сделал тот или иной человек, чтобы заслужить свою участь? Его ответ таков: научный сотрудник, будь то специалист в естественных или социальных науках, постоянно сталкивается с ситуацией «*структурированной неопределенности*». Поскольку его главная задача — продвижение знаний, внедрение инноваций, его деятельность перманентно находится на границе знаний, при том, что его способность предсказывать последствия внедрения научных инноваций в жизнь ограничена. «Проблема неожиданного зла и проблема неожиданной удачи обладают определенной симметрией и асимметрией: обе поднимают вопрос об ответственности, но если в случае зла возникает необходимость в оправдании и, возможно, компенсации, то в случае удачи часто возникает необходимость доказать свою достойность. Если зло должно быть принято, то как связанное с какой-то целью; удача же, с другой стороны, при определенных условиях должна сочетаться с заслугами» [8. С. 150–151, 156].

Мертон называет «среди многих условий, необходимых для процветания науки», то, какой смысл люди вкладывают в добро, что выражается в «преобладании определенных убеждений и предположений». В связи с этим крайне значимо, утвердилась ли в обществе *культура доверия науке*. «Для процветания науки люди должны верить, например, в эмпирическую рациональность и предполагать закономерность и детерминированность явлений, осуществляя их эмпирические исследования. Они должны верить в возможность и поддерживать желательность понимания неизменных причинно-следственных связей в материальной вселенной. Но приверженность этим убеждениям допускает множество подчиненных взглядов

на необходимые условия для развития науки и выбор наилучших методов ее продвижения в рамках ряда ограничивающих условий. Эти взгляды различаются в отношении того, какой вклад может или должен внести ученый в развитие науки, какими качествами он должен обладать для внесения максимального вклада. В основе этих взглядов могут лежать более и менее различимые ориентации на такие широкие вопросы, как причины социальных изменений, свобода и контроль, роль личности в решении социальных проблем» [8. С. 158].

«Ученые, историки и социологи науки, антропологи, марксисты и антимарксисты, последователи Конта и антиконтовцы неоднократно, хотя с разной степенью проницательности, обращали внимание как на феномен независимых множественных открытий, так и на некоторые его последствия для понимания развития научного знания» [8. С. 232]. Мертон приводит конкретные примеры различия взглядов на научные инновации и открытия. С одной стороны, доминирует представление об определяющей роли «объективных законов»: «для ортодоксальных марксистов предположение о том, что открытия могут быть вызваны случайностями, а не неумолимым развитием материальной базы общества, было анафемой. Поскольку марксисты считают, что все социальные и физические явления жестко детерминированы, изобретения в принципе предсказуемы, задача историка или философа науки состоит в том, чтобы разработать способы их предсказания». С другой стороны, есть и те, кто абсолютизирует роль субъективных факторов, которые по-разному интерпретируются: «В мире науки приписывание удачи в целом и случайности в частности обычно связано с оценкой заслуг. Быть признанным удачливым нежелательно — это подразумевает, что достижения не заслужены и на удачливого человека нельзя положиться в плане работы (если ему просто повезло, удача может легко отвернуться от него). С другой стороны, случайность может рассматриваться как благо или как зло. Когда случайность считается заслугой, роль удачи в ней сводится к минимуму; когда случайность считается позорным качеством, фактор удачи определяется как первостепенный. Иными словами, если случайность используется для повышения репутации, роль удачи ставится в зависимость от качеств, которые однозначно вызывают восхищение. Удача или случайность, согласно этим формулировкам, не благоволит людям случайным образом; скорее именно подготовленные умы способны извлечь выгоду из удачи, и с подготовленностью можно связать такие качества, как бдительность, гибкость, смелость и усердие» [8. С. 166, 170–171].

По мнению Мертона, необходимо единство объективных и субъективных факторов — *серендити культурно обусловлено*, и вместе с тем в научных исследованиях ее можно целенаправленно формировать и воспроизводить за счет развития креативных качеств, творческого мышления ученого.

Соответственно, изучая серендипити, социолог должен учитывать ее сложную природу, проявляющуюся в амбивалентности добра и зла, свободы и контроля, объективности и субъективности.

Легитимность случайных открытий

По мнению Мертона, вопрос о легитимности случайных открытий весьма многогранен и к нему есть разные подходы, учитывающие различные факторы. Так, он «может обсуждаться и быть поднят для того, чтобы установить, какие процедуры являются “наилучшими” при проведении научных исследований. По сути, такое видение проблемы заключается не в том, играют или нет случайные открытия роль в развитии науки, а скорее в том, насколько велика их роль в максимальном развитии науки. Некоторые люди, занимающиеся наукой, предлагали разные рецепты для достижения научного прогресса, и в этих подходах легитимность случайных открытий, как правило, занимает незначительное, но показательное место» [8. С. 183].

В вопросе о легитимности значимо, *как* осуществляется планирование случайных открытий в науке на *макро- и микроуровнях*. «Первый подход к возникновению случайных открытий сосредоточен на взаимосвязи между запланированными и непредвиденными последствиями, между характером и масштабом планирования и возникновением случайных открытий. Ученые высказывали мнения о рациональности в возникновении случайных открытий и о том, как следует организовывать научную деятельность, чтобы такого типа открытия происходили. Это макроскопический взгляд на то, “как” и “почему” происходят случайные открытия в науке: анализ того, по какому пути следует развивать науку, принимая во внимание эффект непредсказуемого, а также причин, по которым сформулированные предписания хороши... Смысл макроскопического взгляда — тщательный анализ концептуальных этапов исследования, которые приводят к случайному открытию. Еще раз следует подчеркнуть, что данный анализ не затрагивает личные качества, необходимые для совершения неожиданного открытия, а только модель научного мышления... Проблемы, которые возникают в связи со случайными открытиями при организации и управлении научными исследованиями, несколько отличаются от проблем, проявляющихся в результате случайных открытий отдельных ученых. В последнем случае серендипити поднимает проблемы, связанные с тщательным определением задач и оптимальным их выполнением. В организованных научных исследованиях задачи и цели определяются не только отдельными учеными, но и *для* них кем-то, кто обладает соответствующими полномочиями. Администратор научных исследований формирует ожидания к ученым, несущим перед ним ответственность за свои результаты» [8. С. 195, 199].

Мертон считает, что благодаря планированию случайных открытий в науке на разных уровнях начался процесс институционализации серендипити: «В конце 1970-х годов я обнаружил, что размышляю об особой социокультурной среде, которая, очевидно, способствовала научным открытиям (включая полноценные серендипиозные открытия и серендипиозные моменты в продолжающихся исследованиях)... Разные научные лаборатории и университетские кафедры можно было бы определить как центры “институционализированной серендипити” или как “серендипиозные микросреды”, где разные научные таланты объединяются для участия в интенсивном социокогнитивном взаимодействии» [6. С. 81–85, 102–105]. Институционализация предполагает создание системы управления серендипити: «Удача требует преобразования пассивного события в научное преимущество — серендипити может быть возвращено воображением и институциональной гибкостью... Другими словами, если гиганты научного сообщества несут главную ответственность за прогресс, то именно их следует всячески поощрять; если ученые, способные на серендипити, вносят огромный вклад в науку, то все они достойны максимальной поддержки... Несомненно, значимые случайные открытия — это голубые бриллианты лабораторных исследований. Они так же редки, как и непредсказуемы. Хорошо организованные исследования по четко определенным направлениям — основным методом, с помощью которого современная наука достигает целей. Это не означает, что случайность не стоит культивировать... Серендипити — это “искусство” быть любопытным в подходящий, но неожиданный момент. Это искусство столь же древнее, как и самые примитивные науки, и оно сопровождало развитие и алхимии, и современной науки» [8. С. 205, 207, 209, 210]. Сегодня значимость серендипити как науки и искусства возрастает.

Вместо заключения: актуализация серендипити в учебном процессе

Сегодня мертоновская теория серендипити входит в сферу не только научных исследований, но и образования. Главный путь к достижению практической цели — управление наукой и искусством, формируя у студентов инновационные компетенции [1; 12], прежде всего способность оценивать то, как эффекты «стрелы времени» влияют на бумы инноваций научного знания, критически анализировать теории и методологический инструментарий, выявляя сигналы их «устаревания»; умение диагностировать инновации и их амбивалентные последствия в виде вызовов гуманизму и неожиданных проявлений добра и зла. Сегодня идет активное становление инноватики как области знаний, изучающей характер и содержание инноваций, — это «комплексный процесс созда-

ния, распространения и использования нового практического средства (новшества) для новой (или для лучшего удовлетворения уже известной) общественной потребности; одновременно это есть процесс сопряженных с данным новшеством изменений в той социальной и вещественной сфере, в которой совершается его жизненный цикл... при этом на первых местах по уровню поддержки населением и по весу в совокупности факторов были и остаются позиции, имеющие четкую *гуманистическую ориентацию* в повседневной жизни» [4. С. 159, 239]. Научное лидерство страны во многом зависит от управления учебным процессом, его нацеленности на развитие творческого мышления и инновационных компетенций у студентов, привлечение их к реально значимой научно-исследовательской работе.

Библиографический список/References

1. Буш К. Неслучайная случайность. Как управлять удачей и что такое серендипность. М., 2022 / Bush K. *Nesluchajjnaya sluchajnost. Kak upravlyat udachej i chto takoe serendipnost* [The Serendipity Mindset: The Art and Science of Creating Good Luck]. Moscow; 2022. (In Russ.).
2. Иванов В.Н. Социология в СССР. Записки директора института. М., 2018 / Ivanov V.N. *Sotsiologiya v SSSR. Zapiski direktora instituta* [Sociology in the USSR. Notes of the Institute's Head]. Moscow; 2018. (In Russ.).
3. Иванов В.Н. Служение (70 лет в строю: 1954–2024). М., 2024 / Ivanov V.N. *Sluzhenie (70 let v stroyu: 1954–2024)* [Service (70 Years in Service: 1954–2024)]. Moscow; 2024. (In Russ.).
4. Лапин Н.И. Теория и практика инноватики. М., 2008 / Lapin N.I. *Teoriya i praktika innovatiki* [Theory and Practice of Innovation]. Moscow; 2008. (In Russ.).
5. Человек и его работа: социологическое исследование / под ред. А.Г. Здравомыслова, В.А. Ядова. М., 1967 / *Chelovek i ego rabota: sotsiologicheskoe issledovanie* [Man and His Work: A Sociological Study]. Ed. by A.G. Zdravomyslov, V.A. Yadov. Moscow; 1967. (In Russ.).
6. Merton R.K. *Sociology of Science: An Episodic Memoir*. Southern Illinois University Press; 1976.
7. Merton R.K. Priorities in scientific discovery: A chapter in the sociology of science. *American Sociological Review*. 1957; 22.
8. Merton R.K., Barber E. *The Travels and Adventures of Serendipity: A Study in Sociological Semantics and the Sociology of Science*. Princeton University Press; 2004.
9. Merton R.K. *Social Theory and Social Structure*. New York; 1949.
10. Merton R.K. The bearing of empirical research upon the development of sociological theory. *American Sociological Review*. 1948; 13.
11. Merton R.K. The unanticipated consequences of purposive social action. *American Sociological Review*. 1936; 1 (6).
12. Pievani T. *Serendipity: The Unexpected in Science*. MIT Press; 2024.
13. Vivat, Ядов! К 80-летию юбилею. М., 2009 / Vivat, Yadov! *K 80-letnemu yubileyu* [Vivat, Yadov! On the 80th Anniversary]. Moscow; 2009. (In Russ.).

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-3-777-788

EDN: VOVSFD

R. Merton: theory of serendipity — non-random chance in scientific innovations and discoveries*

S.A. Kravchenko

MGIMO University,
Vernadskogo Prosp., 76, Moscow, 119454, Russia

(e-mail: sociol7@yandex.ru)

Abstract. The article considers R. Merton's theory of serendipity, which explores the factor of "non-random chance" in the nonlinear production of a specific type of scientific innovation — a "by-product" of planned research, manifesting itself as a "self-fulfilling prophecy" and unanticipated consequences of scientists' purposive social actions. Serendipity is characterized by the explanation of the data that does not meet researchers' expectations, seems incompatible with the dominant theory and established facts and has the strategic significance for a new theory or the qualitative development of the existing one. The discourse of serendipity determines scientists' competition for the recognition of the priority in specific innovative knowledge — the author considers the special functions of neologisms that stimulate and consolidate scientific innovations. The article reveals the essence of Merton's view on the ambivalent consequences of the "non-random chance" in science, emphasizing the social responsibility of scientists for developing the culture of trust in the scientific knowledge in the context of producing innovations. The author proves the importance of Merton's ideas on how to legitimize the scientist's priority for innovation and how to practically organize the management of serendipitous discoveries in science at the macro- and micro-level. The relevance of updating the serendipity theory is determined by its implied strategy for forming institutional scientific and educational structures aimed at training professional sociologists as experts that are to develop creativity, courage of thought and innovative competencies essential for ensuring the country's scientific-technological leadership.

Key words: "non-random chance"; "serendipity pattern"; nonlinearity; innovation; humanism; legitimacy; priority; planning scientific discoveries; innovative competencies

For citation: Kravchenko S.A. R. Merton: theory of serendipity — non-random chance in scientific innovations and discoveries. *RUDN Journal of Sociology*. 2026; 26 (3): 777–788. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-3-777-788> EDN: VOVSFD